

На правах рукописи

Бугров Артем Юрьевич

**СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II
В ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1850-Х – НАЧАЛА
1880-Х ГГ.**

Специальность 5.9.9. – Медиакоммуникации и журналистика (по
филологическим наукам)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре литературной критики факультета журналистики Института журналистики и медиаиндустрий Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»).

Научный руководитель: **Бит-Юнан Юрий Геваргисович**, доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры литературной критики РГГУ.

Официальные оппоненты: **Козлов Алексей Евгеньевич**, доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (ФГБОУ ВО «НГПУ»).

Дагаева Кира Игоревна, кандидат филологических наук.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт всеобщей истории Российской академии наук» (ФГБУН «ИВИ РАН»).

Защита состоится 10.12.2026 в 12:00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»): 125047, город Москва, площадь Миусская, дом 6, строение 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Библиотеке РГГУ и на сайте организации по адресу:
https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_Dis_Bugrov_AYu_314.pdf

Автореферат разослан 23.10.2026 г.

Учёный секретарь
 диссертационного совета
 доктор филологических
 наук, доцент

Ю.Г. Бит-Юнан

Общая характеристика работы

В диссертации исследуются публикации пяти периодических изданий двух стран — «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей» (Российская империя), "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" (Великобритания), — посвящённые Великим реформам Александра II (1856–1874).

Актуальность исследования. История журналистики эпохи реформ остаётся мифологизированной: газетный материал привлекался как иллюстрация к уже готовым оценкам, а не проверялся по самим публикациям. Восстановить реальную картину можно только обратившись к тому, что и как писали газеты двух стран об одних и тех же преобразованиях. Реализация Великих реформ началась в 1856 г. с коронационной амнистии декабристов; кульминацией преобразований стала отмена крепостного права в 1861 г. Положением 19 февраля. За последующие тринадцать лет были проведены земская реформа (1864), судебная реформа (1864), цензурная реформа (1865) и военная реформа (1874) — комплекс мер, который кардинально изменил социальный, политический и экономический облик Российской империи и представлял собой беспрецедентное по масштабам преобразование русской государственности.

Преобразования не остались внутрироссийским сюжетом: за ними пристально следила европейская, прежде всего английская, общественность, и в медийных дискурсах двух стран складывались представления о смысле русской модернизации. Российская пресса совмещала две роли — служила инструментом государственной политики и легитимации реформ и одновременно становилась трибуной, где обсуждались трудности их проведения. Английская печать смотрела на те же события извне, через призму собственных политических интересов, европейского баланса сил и представлений о либеральной модернизации.

Сопоставление двух полей печати ставит вопрос о том, почему одни и те же события получают несовпадающие интерпретации у разных медийных

сообществ и как в этих интерпретациях участвуют национальные ценности, политические установки и идеологические предпосылки. За частным сюжетом стоит более общая проблема — роль периодической печати в легитимации либо оспаривании государственного курса и во взаимном влиянии национальных нарративов в международных отношениях середины и второй половины XIX века.

Объект исследования — публикации в газетах Российской империи и Великобритании, содержащие фактографическую и оценочную информацию о Великих реформах Александра II в период 1856–1874 гг.

Предмет исследования — специфика восприятия и интерпретации Великих реформ в указанных публикациях.

Цель исследования — выявить и проанализировать различия в специфике восприятия и интерпретации Великих реформ Александра II (1856–1874) в газетной прессе Российской империи и Великобритании.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Описание и анализ интерпретации предпосылок Великих реформ газетной периодикой Российской империи — «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» в политическом контексте России середины 1850-х гг.

2. Описание и анализ интерпретации предпосылок Великих реформ газетной периодикой Великобритании — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" в политическом контексте российско-британских отношений середины 1850-х гг.

3. Сравнительный анализ интерпретации предпосылок реформ в русской и английской печати: выявление общих и различных элементов медийного дискурса и выявление факторов, обусловивших эти сходства и различия.

4. Описание и анализ интерпретации крестьянской реформы 1861 г. газетной периодикой Российской империи — «Московскими ведомостями» и

«Санкт-Петербургскими ведомостями» — в политическом контексте России конца 1850-х – начала 1860-х гг.

5. Описание и анализ интерпретации крестьянской реформы 1861 г. газетной периодикой Великобритании – "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — в политическом контексте российско-британских отношений конца 1850-х – начала 1860-х гг.

6. Сравнительный анализ интерпретации крестьянской реформы в русской и английской печати: выявление общих и различных элементов медийного дискурса и выявление факторов, обусловивших эти сходства и различия.

7. Описание и анализ интерпретации земской, судебной, военной, цензурной реформ газетной периодикой Российской империи – «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» – в политическом контексте России 1860-х – 1870-х гг.

8. Описание и анализ интерпретации земской, судебной, военной, цензурной реформ газетной периодикой Великобритании – "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" – в политическом контексте российско-британских отношений 1860-х – 1870-х гг.

9. Сравнительный анализ интерпретации земской, судебной, военной, цензурной реформ в русской и английской печати: выявление общих и различных элементов медийного дискурса и выявление факторов, обусловивших эти сходства и различия.

Хронологические рамки исследования охватывают приблизительно 1856–1874 гг. Выбор хронологических рамок обусловлен спецификой исследуемого объекта. Нижняя граница — 1856 г. — определяется окончанием Крымской войны, поражение в которой стало ключевым импульсом к обсуждению необходимости преобразований как в русской, так и в английской печати. Верхняя граница — вторая половина 1870-х гг. — соотнесена с завершением основного цикла Великих реформ. Внутри этого периода выделяются три этапа: дореформенный (1853–1860) — формирование

предпосылок и зарождение публичной дискуссии; этап крестьянской реформы (1860–1862); этап комплексных преобразований (1862–1874) — медийная рецепция земской, судебной, цензурной и военной реформ, в том числе изменение риторики после покушения Д. В. Каракозова на Александра II в 1866 г.

Степень научной разработанности темы. Историографию исследования образуют три группы работ: обращённые к роли периодической печати в освещении реформ; фундаментальные исследования по истории Великих реформ; труды по истории русской и британской журналистики и цензуры.

В первой группе тематически ближе всего статья И. А. Сурниной¹ (2017) о роли периодики в социально-экономических преобразованиях 1857–1861 гг.: на материале «Экономического указателя» И. В. Вернадского и «Вестника промышленности» Ф. В. Чижова показано, что печать выполняла функцию интеллектуальной подготовки реформы — формулировала экономические аргументы в пользу освобождения и влияла на образованное общество и чиновную среду, выступая не зеркалом эпохи, а агентом преобразований. А. Г. Готовцева² (2018) на широком корпусе газетных и журнальных материалов показывает, что реакция на помилование декабристов по коронационному манифесту 1856 г. была сдержаннее, чем принято считать: сообщение воспринималось в единстве с коронационным контекстом, а не как самостоятельное политическое событие, — и реконструирует механизм,

¹Сурнина, И.А. Роль периодических изданий в социально-экономических преобразованиях России 1857–1861 годов («Экономический указатель» И.В. Вернадского и «Вестник промышленности» Ф.В. Чижова) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2017. – Т. 22, № 1. – С. 156–166.

² Готовцева, А.Г. «Словом милости как Божьей благодатью»: амнистия декабристам в российской периодической печати и общественном сознании // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2016. – № 4 (13). – С. 9–23.

которым пресса задавала рамку восприятия³. Диссертация С. И. Косарева⁴ (2012) об освещении русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в российской и английской печати служит методологическим ориентиром: оба исследования анализируют, как пресса двух стран конструировала образ одного события — изнутри российской политической матрицы и через призму английского взгляда.

Вторую группу составляют исследования по истории Великих реформ. Труды В. И. Ленина⁵ и других русских марксистских авторов⁶, подчёркивавших буржуазный характер и неполноту реформ, квалифицируются в работе как источники, а не научная литература. Первый академический обобщающий труд — «Курс истории России XIX века» А. А. Корнилова⁷ (1912–1914) — заложил либерально-историческую альтернативу марксистскому нарративу. В советский период институциональный анализ реформ дали монографии П. А. Зайончковского⁸ об отмене крепостного права, военных реформах 1860–1870-х гг., кризисе самодержавия, правительственном аппарате и политической реакции 1880-х гг. Л. Г. Захарова

³ В историографии наряду с термином «помилование» употребляется термин «амнистия». В настоящей работе используется термин «помилование».

⁴Косарев, С.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российской и английской периодической печати : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Брянск, 2012. – 218 с.

⁵Ленин, В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 3. – М. : Издательство политической литературы, 1971. – С. 21–23; Ленин, В.И. Пятидесятилетие падения крепостного права // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 20. – М. : Издательство политической литературы, 1973. – С. 173–177.

⁶Покровский, М.Н. Русская история с древнейших времён. – Т. 1–5. – М., 1910–1913; Покровский, М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. – М. : Государственное издательство, 1920; Литвак, Б.Г. Советская историография реформы 19 февраля 1861 года // История СССР. – 1960. – № 6. – С. 99–120.

⁷Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века. – Ч. 1–3. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912–1914.

⁸Зайончковский, П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. – М. : Изд-во МГУ, 1952; Зайончковский, П.А. Отмена крепостного права в России. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1968; Зайончковский, П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. – М. : Изд-во МГУ, 1964; Зайончковский, П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. – М. : Мысль, 1970; Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М. : Мысль, 1978.

в монографии «Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861»⁹ исследовала механизмы подготовки реформы и завершила цикл работой «Самодержавие и реформы в России. 1861–1874» (1992)¹⁰. Б. Н. Миронов в «Социальной истории России периода империи» (2003) вписал эпоху в контекст генезиса гражданского общества и правового государства, А. П. Полунов продолжил разработку её политической истории¹¹.

Западная историография реформ сложилась преимущественно в англо-американской науке. У. Б. Линкольн¹² в "In the Vanguard of Reform" показал, как реформаторские проекты вызревали в просвещённом чиновничестве ещё при Николае I¹³, а в "The Great Reforms" представил преобразования 1860-х как процесс, в котором бюрократия была и двигателем, и тормозом перемен¹⁴. Э. Домар¹⁵ (1914–1997) пересмотрел сложившиеся представления о выкупных платежах; О. Файджес раскрыл культурно-исторический контекст эпохи, в том

⁹ Захарова, Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 256 с.

¹⁰ Зайончковский, П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. – М. : Изд-во МГУ, 1952; Зайончковский, П.А. Отмена крепостного права в России. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1968; Зайончковский, П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. – М. : Изд-во МГУ, 1964; Зайончковский, П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. – М. : Мысль, 1970; Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М. : Мысль, 1978.

¹¹ Полунов, А.Ю. К.П. Победоносцев в начале царствования Александра III // Вестник Московского университета. – 2010. – № 4. – С. 35.

¹² Lincoln, W.B. The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 1990; Lincoln, W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 1982; Figes, O. A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. – London : Jonathan Cape, 1996; Figes, O. Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. – London : Allen Lane, 2002; Figes, O. The Story of Russia. – New York : Metropolitan Books, 2022.

¹³ Lincoln, W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 1982.

¹⁴ Lincoln, W.B. The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 1990.

¹⁵ Domar, E.D. Were Russian serfs overcharged for their land by the 1861 Emancipation? The history of one historical table // Domar E.D. Capitalism, Socialism, and Serfdom: Essays by Evsey D. Domar. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 280–288.

числе в обобщающей «Истории России»¹⁶. Изучение российской прессы и цензуры представлено монографией Ч. Руда¹⁷, прослеживающей эволюцию цензурного законодательства и трактующей реформу 1865 г. как практику взаимодействия власти и редакций; работами Л. Макрейнольдс о становлении массовой периодики¹⁸ и Д. Балмута о цензурном терроре николаевской эпохи¹⁹; статьёй Дж. Клира о восстании 1863 г. и его влиянии на политику русификации²⁰. Британский медиаконтекст раскрывают А. Ли (становление массовой печати после отмены «налогов на знание»), М. Хьюитт (детальный разбор этого переломного момента), Д. Лиддл (информационные функции "The Times")²¹, У. Миллс (институциональная история "The Manchester Guardian")²²; сравнительную перспективу дают Г. Хьялупек об австрийском опыте освобождения²³ и А. Лестер о британской отмене рабства²⁴, а

¹⁶ *Figes, O.* The Story of Russia. – New York : Metropolitan Books, 2022; *Figes, O.* Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. – London : Allen Lane, 2002; *Figes, O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. – London : Jonathan Cape, 1996.

¹⁷ *Ruud, Ch.A.* Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. – Toronto : University of Toronto Press, 1982. – P. 87–102.

¹⁸ *McReynolds, L.* The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. – Princeton : Princeton University Press, 1991. – P. 14–22.

¹⁹ *Balmuth, D.* The Origins of the Tsarist Epoch of Censorship Terror // *American Slavic and East European Review*. – 1960. – Vol. 19, no. 4. – P. 497–520.

²⁰ *Klier, J.D.* The Polish Revolt of 1863 and the Birth of Russification: Bad for the Jews? // *Poles and Jews: Renewing the Dialogue*. Polin: Studies in Polish Jewry / ed. A. Polonsky. – Liverpool : Liverpool University Press, 2004. – P. 96–110.

²¹ *Liddle, D.* The News Machine: Textual Form and Information Function in the London "Times", 1785–1885 // *Book History*. – 2016. – Vol. 19. – P. 132–168.

²² *Mills, W.H.* The Manchester Guardian: A Century of History. – London : Chatto & Windus, 1921.

²³ *Chaloupek, G.* Emancipation of the Peasantry in Lower Austria: The Economists' Views, the Role of the Estates, and the Revolution of 1848 // *The Liberation of the Serfs* / ed. J.G. Backhaus. – New York : Springer, 2012. – P. 19–31.

²⁴ *Lester, A.* The realpolitik of emancipation in the British Empire, 1833–38 // *Humanitarianism, empire and transnationalism, 1760–1995*. – Manchester : Manchester University Press, 2022.

обобщающим справочником остаётся второй том "Cambridge History of Russia" под редакцией Д. Ливена²⁵.

Третью группу образуют труды по истории русской журналистики и цензуры. Г. В. Жирков в «Истории цензуры в России XIX–XX вв.»²⁶ (2001) рассмотрел цензурную реформу 1865 г. как фактор перестройки всей системы массовой коммуникации. Под руководством Л. П. Громовой создана коллективная монография «История русской журналистики XVIII–XIX веков»²⁷ (2013), где развитие прессы дано в связи с историческим контекстом, но медиарепрезентация реформ затронута лишь вскользь²⁸. Е. А. Динерштейн в книге «Фабрикант читателей: А. Ф. Маркс»²⁹ (1986) рассмотрел журнальное дело второй половины XIX века как культурно-экономический феномен, зависевший от хода реформ; Б. П. Балугев в «Либеральном движении в России (1902–1905 гг.)»³⁰ (2001) показал преемственность либеральной журналистской традиции; П. С. Рейфман в первом томе «Цензуры в дореволюционной³¹, советской и постсоветской России» (2015–2017) проанализировал цензуру как сквозную форму отношений власти и общества.

Недостаточно изученным остаётся вопрос о том, как периодическая печать конструировала общественное мнение о крестьянской реформе 1861 г. и к каким речевым стратегиям прибегали разные идейные направления при интерпретации освобождения. Целостного исследования эволюции медийного восприятия всего комплекса Великих реформ 1856–1874 гг. — с

²⁵ The Cambridge History of Russia. – Vol. 2 : Imperial Russia, 1689–1917 / ed. by D. Lieven. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – XVIII, 765 p.

²⁶ Жирков, Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 368 с.

²⁷ Громова, Л.П., Бадалян, Д.А., Жирков, Г.В. и др. История русской журналистики XVIII–XIX веков. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 528 с.

²⁸ [Б. а.] Очерки по истории медиакритики в России XIX–XX веков : коллект. моногр. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2021. – 256 с.

²⁹ Динерштейн, Е.А. Фабрикант читателей: А.Ф. Маркс. – М. : Книга, 1986. – 256 с.

³⁰ Балугев, Б.П. Либеральное движение в России: 1902–1905 гг. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 254 с.

³¹ Рейфман, П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. – М. : Пента, 2015. – 560 с.

систематическим анализом дискурсивных стратегий, роли отдельных печатных органов и сравнением с интерпретацией реформ английской прессой — в научной литературе пока нет.

Эмпирическая основа исследования сформирована в соответствии с критерием репрезентативности; эмпирическую основу составляют публикации 1854–1899 гг. с фокусом на 1856–1874 гг. Источники распределены по четырём группам. Первую группу образуют публикации русской периодической печати — «Московских ведомостей» (консервативный орган, с 1863 г. под редакцией М. Н. Каткова; привлечены номера за 1856–1885 гг.) и «Санкт-Петербургских ведомостей» (умеренно-либеральное издание, в 1863–1874 гг. под редакцией и арендой В. Ф. Корша; отобраны номера за 1861–1875 гг.).

Вторую группу составляют публикации британской печати: "The Times" (влиятельнейшая консервативная газета, под руководством Дж. Т. Делейна и Т. Ченери; материалы 1854–1889 гг.), "The Manchester Guardian" (качественная общественно-политическая пресса; материалы 1851–1885 гг.) и «The Daily Telegraph» (массовая либеральная газета семьи Леви; материалы 1857–1894 гг.).

Третью группу образуют нормативно-правовые акты: Манифест 19 февраля 1861 г., Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г., Судебные уставы 20 ноября 1864 г., Именной указ 6 апреля 1865 г. о печати и Устав о воинской повинности 1 января 1874 г.

Четвёртую группу составляют источники личного происхождения — дневники А. В. Никитенко, воспоминания П. Д. Боборыкина, «Записки» А. И. Кошелева, а также документальные сборники «Россия под надзором» и «Конец крепостничества в России».

Датировка источников двойная: русские издания, законодательные акты и документы личного происхождения даны по юлианскому календарю, британские публикации — по григорианскому; расхождение в XIX веке составляло 12 дней и учтено при сопоставлении. При анализе британской

прессы даты приводятся сначала по новому стилю, затем в скобках по старому, например: 23 Feb. 1860 (11 февраля 1860 г. ст. ст.).

Методология диссертации. Исследование строится на принципах историзма и научной объективности, обеспечиваемых привлечением периодических изданий разной политической направленности. Применяются историко-типологический, сравнительно-исторический и дискурсивный методы анализа газетных текстов, позволяющие выявить содержательные, риторические и идеологические особенности освещения Великих реформ в русской и английской прессе и реконструировать динамику медийных оценок на протяжении исследуемого периода.

Научная новизна исследования

В научный оборот вводится корпус газетных публикаций пяти изданий, прежде служивший иллюстративным фоном, а здесь ставший самостоятельным объектом источниковедческого анализа. Предметом сравнения становится интерпретация не одной крестьянской реформы, а всего комплекса преобразований — земского, судебного, цензурного и военного — в их взаимной связи. Сопоставление русского и британского дискурсов показывает, как одна историческая реальность прочитывается через несовпадающие национальные и идеологические призмы. Восприятие реформ прослежено в динамике 1856–1874 гг.: от первоначального воодушевления к критике, от оценки практических результатов к осмыслению структурных последствий.

Теоретическая значимость исследования в том, что оно выводит изучение медийного восприятия русских реформ за пределы отечественного контекста и работает на стыке истории журналистики, истории политического дискурса, истории ментальностей и транснациональной истории. Соединение инструментария истории медиа и транснациональной истории даёт схему, применимую к анализу того, как иностранная пресса отражала российские события в другие периоды и в других национальных традициях. Кроме того, исследование расширяет источниковую базу

изучения Великих реформ: на первый план выходит газетный дискурс — оперативная журналистская реакция с её риторическими стратегиями и идеологическими установками.

Практическая значимость работы обусловлена применимостью её результатов и материалов в нескольких направлениях. Собранная эмпирическая база — систематизированные публикации ведущих британских газет и журналов, посвящённые крестьянской, судебной, цензурной, земской и военной реформам, — и выстроенная на её основе хронология газетных откликов представляют самостоятельную ценность как источниковый фонд для исследователей эпохи Великих реформ, русско-британских отношений и истории зарубежной журналистики.

Выводы диссертации могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории русской и зарубежной журналистики XIX века, истории русско-британских культурных и политических отношений, а также спецкурсов, посвящённых политическому дискурсу эпохи реформ и международному восприятию России. Фактический материал и аналитические наблюдения работы полезны при написании научных статей и учебных пособий по проблематике медийного образа России. Хронология и типология британских газетных откликов на отдельные преобразования — от отмены крепостного права до введения всеобщей воинской повинности — может служить справочной основой для сравнительных исследований реакции прессы разных стран на одни и те же российские реформы.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, в каждой из которых — три параграфа, заключения и списка источников и литературы.

Гипотеза исследования строится на предположении, что пресса России и Англии, действовавшая в принципиально разных политических, социальных и идеологических условиях, породила два несхожих нарратива о Великих реформах. Российская пресса выстраивала «дискурс легитимации», представляя реформы как исторически верный путь развития страны,

необходимый для сохранения и обновления государственности, невзирая на практические трудности воплощения. Этот дискурс не был монолитным: по мере развёртывания реформ он поляризовался между государственно-консервативной легитимацией «Московских ведомостей» и либерально-обновленческой легитимацией «Санкт-Петербургских ведомостей», так что общее признание реформ уживалось с расходящимися оценками их пределов — от восхищения смелостью преобразований до упреков в незавершённости, от апологии государя-реформатора до критики его чиновников. Русское поле двигалось от первоначального согласия к внутреннему расхождению, тогда как британская печать эволюционировала от разнобоя оценок к единому диагнозу, — асимметрия, уточняющая исходное противопоставление двух национальных нарративов.

Английская пресса выстраивала «дискурс системной критики», обнажая авторитарную природу «революции сверху», её половинчатость, недостаточные гарантии прав собственности и нетронутость неограниченной монаршей власти. При этом британские издания признавали прогрессивный характер самого факта отмены крепостничества, но усматривали в сохранении самодержавия коренное препятствие для подлинной модернизации России по европейскому образцу.

Оба дискурса, при всей полярности, служили действенным механизмом конструирования исторического знания и легитимации — либо делегитимации — государственной политики, воздействуя на восприятие событий современниками и задавая рамки осмысления русской модернизации как внутри России, так и в широком европейском контексте.

Положения, выносимые на защиту:

1. Периодическая печать Российской империи и Великобритании формировала принципиально различные модели восприятия Великих реформ Александра II: русская пресса выстраивала нарратив изнутри реформируемой системы, вынужденно учитывая цензурные ограничения, тогда как английские

издания располагали возможностью внешней оценки, однако в значительной мере зависели от информации, заимствованной из русских источников.

2. «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости», которые были близки к Правительству, последовательно вырабатывали самостоятельные редакционные позиции в отношении хода реформ, нередко впоследствии расходившиеся с правительственной точкой зрения; таким образом отечественная пресса не ограничивалась фиксацией политических событий, но целенаправленно формировала общественное мнение о происходящем.

3. Восприятие Манифеста 19 февраля 1861 г. в русской прессе претерпело характерную эволюцию: от официозных панегириков первых месяцев после его обнародования — к нарастающей критике структурных изъянов реформы, прежде всего малоземелья, выкупных платежей, круговой поруки и положения временнообязанных крестьян.

4. Английская качественная пресса — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — интерпретировала реформы Александра II преимущественно в компаративном ключе, соотнося их с отменой рабства в США и с ирландским аграрным вопросом, что обуславливало специфику английского дискурса и его принципиальное отличие от отечественного медиадискурса.

5. Земская реформа 1864 г., судебные уставы того же года и цензурная реформа 1865 г. воспринимались как русской, так и английской прессой не изолированно, но в контексте взаимообусловленности преобразований; при этом русские издания последовательно ставили вопрос о способности новых институтов компенсировать структурные изъяны освобождения крестьян, тогда как английские акцентировали либерализующий потенциал реформ в целом.

6. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. зафиксировано в русской прессе как завершение единого реформаторского цикла, что определило особый характер его освещения: реформа анализировалась не сама

по себе, но в соотношении с логикой предшествующих преобразований и степенью реализации их декларируемых целей. Британская пресса, напротив, истолковала военную реформу не как внутренний итог реформаторского цикла, а преимущественно сквозь геополитическую призму: введение всеобщей воинской повинности трактовалось прежде всего в качестве угрозы «европейскому равновесию» и британским имперским интересам, что означало принципиальный сдвиг в освещении российских реформ лондонской прессой.

7. Сравнительный анализ русского и английского дискурсов выявляет асимметрию механизмов формирования публичного пространства о реформах: если в условиях российского цензурного режима пресса была вынуждена выражать критику косвенно — через постановку «практических» вопросов реализации, — то английские издания формулировали оценочные суждения открыто, однако нередко упрощали российский контекст вследствие информационной зависимости от собственных корреспондентов и официальных российских сообщений.

8. Эволюция газетных оценок Великих реформ в периодике 1856–1874 гг. — выражавшаяся в смещении тематических акцентов, нарастании критической тональности и сокращении числа публикаций о российских преобразованиях — отражает постепенное исчерпание реформаторского импульса александровской эпохи: к моменту введения всеобщей воинской повинности консенсус относительно успешности реформ оказался существенно подорван.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены в ходе обсуждения на заседаниях Кафедры литературной критики Российского государственного гуманитарного университета.

Результаты исследования отражены в 3 научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, входящих в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

«Цензура и освещение судебной реформы в английской и русской прессе эпохи Великих реформ Александра II»³², «Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы»³³, «Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы»³⁴. В числе прочих публикаций по теме исследования — статья «Земская реформа 1864 г. в освещении российской и английской газетной прессы»³⁵.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и её актуальность, рассматривается степень разработанности изучаемой проблемы, формулируются цель и задачи, описываются объект и предмет исследования, выдвигается гипотеза, излагается методология, определяются эмпирическая и теоретическая база работы, раскрывается научная новизна, оценивается теоретическая и практическая значимость, представляются положения, выносимые на защиту, и описывается структура диссертации.

Глава 1 «Обсуждение предпосылок Великих реформ в газетной прессе Российской империи и Великобритании» посвящена анализу общественно-политического контекста, в котором формировалась российская и британская пресса эпохи Александра II.

В параграфе 1.1 «Предпосылки Великих реформ в русской печати» рассматривается русская периодика — прежде всего «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» — в период от конца «мрачного семилетия» (1848–1855) до публикации Манифеста 19 февраля 1861 г.

³² Бугров, А.Ю. Цензура и освещение судебной реформы в английской и русской прессе эпохи Великих реформ Александра II // *Litera*. – 2026. – № 5. – С. 66–77.

³³ Бугров, А.Ю. Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы // *Litera*. – 2025. – № 12. – С. 116–131.

³⁴ Бугров, А.Ю. Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы // *Филология: научные исследования*. – 2025. – № 12. – С. 303–320.

³⁵ Бугров, А.Ю. Земская реформа 1864 г. в освещении российской и английской газетной прессы // *Коммуникология*. – 2025. – Т. 13, № 4. – С. 43–56.

Прослеживается постепенное снятие цензурных ограничений, открытие крестьянского вопроса для публичного обсуждения и превращение прессы в арену идейной полемики различных общественных течений. Реформаторский курс Александра II подавался газетами как разрыв с репрессивной системой Николая I и возвращение к образу «просвещённого монарха».

Обе газеты оставались казёнными по статусу: «Московские ведомости» арендовались у Московского университета, «Санкт-Петербургские ведомости» — у Академии наук, что определяло пределы их самостоятельности. На страницах изданий впервые открыто столкнулись славянофильские, западнические и охранительные позиции. Приход М. Н. Каткова к руководству «Московскими ведомостями» в 1863 г. превратил газету из университетского листка в политический орган с собственной программой, тогда как «Санкт-Петербургские ведомости» при В. Ф. Корше удерживали умеренно-либеральную линию.

В параграфе 1.2 «Предпосылки Великих реформ в английской печати» исследуется, как английские газеты освещали внутренние преобразования в России сквозь призму итогов Крымской войны, коронационной амнистии 1856 г. и поэтапной подготовки крестьянской реформы. Лондонская пресса воспринимала реформаторский курс не изолированно, а в неразрывной связи с общеевропейской динамикой 1848–1871 гг. — эпохи, когда идеи «конституционного правления» повсеместно вступали в конфликт с традициями абсолютизма. Военное поражение России в Крымской войне британские журналисты истолковали не просто как неудачу на поле боя, а как закономерный крах репрессивной системы Николая I, а последовавшие реформы — как вынужденный, но реальный ответ самодержавия на угрозу внутреннего коллапса.

Восприятие британскими изданиями предпосылок реформ определялось не только российскими событиями, но и внутрибританской дискуссией о роли государства, гарантиях неприкосновенности собственности и переходе традиционных монархий к «конституционному правлению». Российские

события становились своеобразным зеркалом, в котором лондонские комментаторы усматривали отражение собственных политических тревог и надежд.

В параграфе 1.3 «Сравнение обозрения предпосылок Великих реформ в английской и русской печати» проводится сравнительный анализ двух национальных традиций периодики. Выявляются принципиальные различия в правовых условиях существования прессы, информационных источниках, преобладающих жанрах, тематическом охвате и интерпретационных рамках, что позволяет сформулировать пять ключевых типологических различий.

Первое — правовое: русская пресса функционировала в условиях цензурного ограничения и государственного патронажа, британская — в условиях рыночной конкуренции и относительной редакционной свободы.

Второе — источниковое: британские газеты располагали собственными корреспондентами в России и опирались на информацию из первых рук, тогда как русские газеты были строго ограничены официальными каналами.

Третье — жанровое: в британских изданиях доминировал жанр редакционной статьи с выраженной аналитической позицией, в русских — официальная хроника и воспроизведение документов.

Четвёртое — тематическое: британская пресса рассматривала российские реформы в широком сравнительном и геополитическом контексте, русская — преимущественно в рамках внутривнутриполитической повестки.

Пятое — функциональное: русская пресса выполняла функцию распространения официальных текстов и формирования лояльности, британская — функцию интерпретации, оценки и формирования общественного мнения. Вместе с тем фиксируются и точки соприкосновения: обе традиции признавали историческую значимость отмены крепостного права и участвовали в формировании памяти об Александре II как о «царе-освободителе» — хотя само это звание звучало на страницах "The Times" куда сдержаннее, чем в «Московских ведомостях».

Глава 2 «Освещение крестьянской реформы в газетной периодике Российской империи и Великобритании» посвящена сравнительному анализу освещения реформы 1861 г. в русской и британской периодической печати за 1861–1885 гг.

В параграфе 2.1 «Освещение крестьянской реформы в русской печати» на материале «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» прослеживается, как два издания, принципиально различных по редакционной ориентации, от первоначального консенсуса в поддержке Манифеста пришли к непримиримому расхождению в вопросах общинного землевладения, выкупных платежей и пределов земского самоуправления. В 1861–1865 гг. они расходились лишь в акцентах: «Санкт-Петербургские ведомости» апеллировали к «единению сословий» и нравственному измерению освобождения, «Московские ведомости» предпочитали финансовый анализ и прагматическую оценку экономических механизмов.

Однако к середине 1860-х гг. наметилась нарастающая поляризация: «Московские ведомости» выступили жёсткими критиками общинных устоев, усматривая в общинном землевладении и круговой поруке «продолжение крепостного права» и главное препятствие «свободному развитию сил русского народа» и настойчиво требуя предоставления крестьянам права личной собственности. Цикл публикаций февраля — марта 1861 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» прямо откликнулся на обнародование Манифеста, тогда как Катков уже тогда смещал разговор к экономическому механизму выкупа и судьбе общины.

Различие двух изданий определялось не только идеологическим лагерем, но и экономическим положением: Катков превратил «Московские ведомости» в коммерчески успешное предприятие с тиражом до 12 000 экземпляров, что давало ему свободу манёвра, тогда как «Санкт-Петербургские ведомости» при В. Ф. Корше такой коммерческой автономии не имели: арендованные у Академии наук, с доходом не более 36 000 руб. в год, они располагали более скромными ресурсами.

В параграфе 2.2 «Освещение крестьянской реформы в английской печати» рассматривается реакция трёх ведущих британских газет, каждая из которых осмысляла реформу в собственном регистре: "The Times" вписывала освобождение в логику государственного интереса и европейского баланса сил, "The Manchester Guardian" оценивала его мерой либеральных принципов и экономической состоятельности, "The Daily Telegraph" переводила реформу в публицистически-драматический план, обращаясь к судьбе крестьянства.

Реакция на обнародование Манифеста 19 февраля 1861 г. была в целом восторженной, однако содержала весомые оговорки. Все три газеты признали освобождение крестьян выдающимся историческим актом, открывающим «новую эру»; консервативная "The Times" поставила событие в один ряд с британской отменой рабства в колониях.

Качественная пресса быстро сформулировала ключевой критический вопрос, не терявший остроты на протяжении всего последующего десятилетия: о реальных пределах дарованной свободы в условиях, когда крестьяне обязывались выплачивать выкупные платежи, рассчитанные на сорок девять лет, и оставались в жёсткой административной зависимости от сельской общины. Английские газеты понимали социально-экономические изъяны крестьянской реформы глубже, чем принято думать в историографии, склонной видеть в викторианской прессе выразительницу поверхностного либерального оптимизма.

В параграфе 2.3 «Сравнение обозрения в английской и русской печати» проводится сопоставление двух национальных полей прессы по четырём параметрам: цензурные условия, источниковая база, ритм внимания и характер адресата. По ритму внимания поля расходились резко: русская печать следила за реформой непрерывно и в деталях, как участник процесса, тогда как британская обращалась к ней вспышками, привязанными к драматическим поворотам — обнародованию Манифеста, крестьянским волнениям, ретроспективным итогам 1880-х гг.

Лондонская печать эволюционировала от восторженных ожиданий к устойчивому критическому консенсусу, оценивая освобождение как «незавершённую реформу», не обеспечившую крестьянам подлинной личной независимости и твёрдых гарантий собственности, тогда как русская пресса — от первоначального консенсуса к острой идеологической поляризации. Значение крестьянского вопроса вышло за рамки одной реформы: именно он сформировал в России модель газетной журналистики, ориентированной на общественную дискуссию и осмысление государственных преобразований, — модель, распространившуюся затем на освещение судебной реформы и земского движения.

Глава 3 «Реформы 1864–1874-х гг. в зеркале газетной периодической печати Российской империи и Великобритании» посвящена анализу корпуса источников — более ста двадцати номеров «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1864–1886 гг., а также публикаций трёх британских газет о четырёх ключевых преобразованиях: земской (Положение 1 января 1864 г.), судебной (Уставы 20 ноября 1864 г.), цензурной (Именной указ 6 апреля 1865 г.) и военной (Устав о воинской повинности 1 января 1874 г.).

В параграфе 3.1 «Освещение реформ 1864–1874-х годов в русской печати» прослеживается эволюция позиций двух ведущих русских газет по каждой из четырёх реформ — от первоначальных откликов до ретроспективных оценок. Особое внимание уделяется жанровому инструментарию изданий: статистической аргументации, сравнительно-правовым экскурсам, полемике с европейской прессой. «Московские ведомости» встретили Положение о земских учреждениях с почти торжественным воодушевлением, заявляя, что закон впервые «призывает к жизни земство как великую, всеобъемлющую общественную силу», и одновременно давая трезвый разбор институциональных механизмов (анализ §§ 46, 59, 99, 117 Положения).

«Санкт-Петербургские ведомости» шли иным путём: публиковали первый в России регламент земского собрания — семнадцать пунктов Самарского уездного собрания, включая порядок подписания журнала неграмотными, — и фиксировали безразличие местных жителей к новым учреждениям, передавая из провинции картину «обломовского *farniente*» полного равнодушия обывателей к земству.

Катков при этом удерживал двойственность, ставшую визитной карточкой газеты: восторг перед идеей земства сочетался с жёстким разбором конкретных механизмов и предложением построить новое самоуправление в уже действующую систему мировых учреждений. В оценке судебной реформы либеральные издания приветствовали новые институты, видя в их независимости шаг к правовому государству; «Московские ведомости», первоначально поддерживавшие гласный суд и суд присяжных как триумф законности, со временем начали усматривать в расширении судебных гарантий угрозу государственному авторитету: независимый суд, по их мнению, образовывал «самодержавную республику», неподконтрольную верховной власти.

Освещение цензурной реформы 1865 г. сопровождалось реконструированной в работе хроникой административных взысканий: «Санкт-Петербургские ведомости» получили первое предостережение уже через девятнадцать дней после начала бесцензурного существования, а серия последующих предостережений и приостановок завершилась отстранением Корша от редакторства в конце 1874 г. Лингвистический сдвиг «Московских ведомостей» подтверждает ту же переориентацию: доминировавшие в 1864–1868 гг. французские источники после франко-прусской войны уступили место немецким.

Военную реформу обе газеты поддержали: «Санкт-Петербургские ведомости» приветствовали всеобщую воинскую обязанность как шаг к гражданскому равенству, а «Московские ведомости» видели в привлечении

образованных классов (особенно через институт вольноопределяющихся) средство поднять умственный и нравственный уровень войск.

В параграфе 3.2 «Освещение реформ 1864–1874-х годов в английской печати» рассматривается, как британская пресса через призму собственных представлений о независимости суда, свободе печати и военной модернизации интерпретировала русские преобразования, фиксируя нараставшее противоречие между либеральной формой реформ и авторитарной природой самодержавия.

На первых порах реакция была позитивной: "The Times" в публикации от 19 декабря 1864 г. охарактеризовала новые судебные уставы как важнейший шаг в государственном развитии империи, а введение суда присяжных и гласности судопроизводства — как решительный переход к современным европейским стандартам правосудия. Однако энтузиазм сменился скептической оценкой: все три издания обнаружили противоречие между передовыми институтами и самодержавной системой, не допускавшей подлинной независимости судебной власти.

Политические процессы конца 1870-х гг. обострили этот вывод: "The Times" осудила изъятие политических дел из ведения присяжных, "The Manchester Guardian" увидела в этом прямой конфликт гласного суда с самодержавным аппаратом, а "The Daily Telegraph" в подробных репортажах о «процессе 193-х» подчёркивала шаткость прокурорских доказательств и сочувствовала подсудимым. К середине 1880-х гг. "The Manchester Guardian" свела итог: изолированная судебная реформа обречена там, где сохраняется самодержавный строй и полицейский контроль.

Земская реформа получила меньше оперативного внимания, но рассматривалась через вопрос о том, в какой мере выборные структуры местного самоуправления являются шагом к представительному правлению; британские обозреватели указывали на отсутствие у земств реальной самостоятельности и зависимость от губернской бюрократии. Интерес резко вырос на рубеже 1870–1880-х гг., когда движение земских гласных за

расширение полномочий («земский конституционализм») лондонские корреспонденты восприняли как признак превращения земств в вектор движения империи к общенациональному представительному правлению.

Цензурная реформа 1865 г. вызвала интерес британских журналистов, следивших за расширением границ общественного мнения: рост числа периодических изданий в империи — с 87 в 1856 г. до значительно большего количества к исходу эпохи — воспринимался в Лондоне как индикатор складывания независимой журналистики, однако система министерских «предостережений» и постоянного административного давления на редакции доказывала, что самодержавие не готово мириться со свободным печатным словом.

Военная реформа 1874 г. стала переломным моментом в подаче российских дел лондонской печатью: если преобразования 1861–1865 гг. рассматривались главным образом через призму внутреннего «цивилизационного прогресса», то новый военный устав был воспринят прежде всего как радикальный сдвиг в «европейском равновесии» и прямая угроза британским имперским интересам.

"The Manchester Guardian" при этом проницательно предупреждала о политической двойственности всеобщего призыва: вводя беспрецедентный элемент сословного равенства, он одновременно создавал внутри армии критически мыслящую прослойку из образованных классов, способную обратить недовольство против самого государства, — прогноз политизации русской армии, оправдавшийся в следующие десятилетия.

Введение всеобщей повинности увеличивало потенциальные резервы империи с нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов человек, и в Лондоне это читалось не как мера социального развития, а как наращивание военной мощи накануне нового витка «Восточного вопроса». "The Daily Telegraph", рассчитанная на широкую аудиторию лондонского среднего класса, в 1877–1878 гг. опубликовала ряд наиболее подробных и сочувственных репортажей о «процессе 193-х», привлёкших внимание

публики к положению политических заключённых. К рубежу веков "The Daily Telegraph" в ретроспективных обзорах свела образ России к парадоксу: государство добилось успехов в реорганизации армии и приобрело внешние атрибуты европейской державы, но продолжало опираться на архаичный фундамент абсолютной власти и подавления политических свобод.

В параграфе 3.3 «Сравнение обозрения реформ 1864–1874-х годов в английской и русской печати» сопоставляются модели «экспертной публицистики» («Московские ведомости») и «общественного мониторинга» («Санкт-Петербургские ведомости») с позицией внешнего наблюдателя, констатирующего системные противоречия незавершённых преобразований.

Цензурную реформу 1865 г. русские издания обсуждали как вопрос о границах дозволенного, проверявшийся на собственном опыте предостережений и приостановок, а британские — мерили ростом числа независимых изданий и сохранявшимся административным давлением. При всех различиях предметов расхождение оптик воспроизводило одну схему: внутренний участник процесса против внешнего судьи, прикладывающего к русским реформам мерку свободных институтов.

В Заключении обобщены результаты сопоставления. Эволюция медийного образа реформ распадается на три этапа. Первый этап (1853–1862) — пора формирующихся ожиданий и первоначального либерального оптимизма, кульминацией которого стала отмена крепостного права в 1861 г.

Второй этап (1862–1874) — время нараставшей двойственности: судебная и земская реформы 1864 г. поначалу питали оптимистическую интерпретацию, однако польское восстание 1863–1864 гг. нанесло серьёзный удар по образу «реформирующейся монархии» — жёсткие репрессии против поляков, широко освещавшиеся ведущими британскими газетами, контрастировали с декларируемыми принципами цивилизованного правосудия, и к концу 1860-х гг. в лондонских редакциях сложилась устойчивая формула: реформы признавались реальными, но недостаточными, прогресс — неоспоримым, но крайне непоследовательным.

Третий этап (1870-е – 1880-е гг.) — нарастающий скептицизм и предчувствие государственного кризиса: военная реформа 1874 г., усиление репрессий против радикального движения, громкие политические процессы конца 1870-х гг., русско-турецкая война и реакционная политика Александра III после 1881 г. окончательно разрушили концепцию «обновляющейся России», которую британская пресса выстраивала два предшествующих десятилетия. Русское поле двигалось обратным курсом: от консенсусной поддержки реформ 1861–1865 гг. через критическое переосмысление 1866–1873 гг. к предельной поляризации между «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» к середине 1870-х гг., когда единого образа реформ в русской печати уже не существовало.

Исследование показало, что все три британские газеты использовали принципиально разные модели работы с российским материалом, отражавшие их политический вес и редакционные традиции. "The Times" тяготела к аналитической передовице и кабинетному синтезу, помещая события России в контекст европейского баланса сил.

"The Manchester Guardian" отличалась идеологической последовательностью в приложении британских конституционных принципов к российской действительности, апеллируя к стандартам "habeas corpus", независимости суда и свободы печати. "The Daily Telegraph", рассчитанная на широкую аудиторию, делала ставку на живые репортажи и эмоциональные очерки, привлёкшие внимание публики к положению политических заключённых в ходе «процесса 193-х» 1877–1878 гг. Все три издания перепечатывали материалы континентальной прессы — французской ("Revue des deux Mondes", "Journal des Débats", "L'Indépendance Belge") и немецкой ("Norddeutsche Allgemeine Zeitung", "Neue Freie Presse") — и саму российскую периодику; обмен телеграфными сводками создавал плотное общеевропейское информационное поле.

Работа даёт истории журналистики несколько результатов. Это первый систематический разбор пяти изданий применительно к реформам 1856–1874

гг. по полному корпусу публикаций, а не по избранным цитатам, что делает выводы репрезентативными. Предложена методика анализа медиаобраза иностранного государства, соединяющая риторический разбор редакционных текстов, реконструкцию институционального контекста изданий и учёт дипломатической конъюнктуры.

В оборот введён массив британских публикаций, прежде не привлекавшихся отечественной историографией в полном объёме. Зарубежная пресса доказала свою ценность как источник по русской истории: британские корреспонденты улавливали противоречия, которые российская печать под цензурой не могла обсуждать открыто. Наконец, механизмы формирования образа государства в иностранных медиа, прослеженные на материале XIX века, работают и в современных медиасистемах, что делает историко-медийный анализ инструментом актуального исследования.

У работы есть ограничения. Три британских издания не покрывают всего спектра викторианской прессы: провинциальная, специализированная и рабочая периодика могли бы скорректировать часть выводов. Работа с оригинальными текстами на английском языке накладывает герменевтические ограничения: тонкости викторианского публицистического дискурса не всегда прозрачны для исследователя из иной культурной позиции. Наконец, исследование ограничено хронологически 1856–1874 гг.: период контрреформ Александра III затрагивался лишь в ретроспективном контексте.

Эти ограничения намечают перспективные направления продолжения работы: расширение хронологических рамок вплоть до 1905–1907 гг. для проверки «предсказательной» ценности медиаанализа; расширение географии за счёт французской, немецкой и австро-венгерской прессы; изучение рецептивной стороны — того, как русские дипломаты и общественные деятели реагировали на британскую прессу о России; применение цифровых методов (тематического моделирования, анализа тональности); сопоставление выявленных исторических паттернов с современным освещением России британскими изданиями.

Сравнительный анализ позволил подтвердить центральную гипотезу исследования: пресса двух стран действительно породила две принципиально различные интерпретации Великих реформ. Отечественная журналистика выстраивала концепцию легитимации — взгляд изнутри реформируемой системы, в котором преобразования рассматривались как исторически необходимый шаг для сохранения государственности.

При этом, вопреки расхожим стереотипам, газета Каткова не страшилась свободы, а видела в ней самое надёжное охранительное начало: если для лондонских изданий преобразования казались незавершёнными из-за сохранения самодержавного аппарата, то для «Московских ведомостей» неизбежность верховной власти являлась главным источником реформ и единственным залогом их успешного развития.

Обе традиции предсказывали кризис империи, расходясь в его причине: британский либеральный взгляд связывал угрозу с нехваткой политических свобод, русский консервативный — с избытком «преждевременной воли». События 1905–1907 и 1917 гг. подтвердили оба прогноза, не рассудив их объяснений. Образ России как государства «незавершённых преобразований», перенявшего форму западных институтов без их правовой сути, закрепился в британской публицистике на столетие вперёд.

Несводимость двух интерпретаций определялась несовпадением систем координат: русская печать мерила реформы государственной устойчивостью и судила изнутри, британская — критериями свободных институтов и судила извне. Отсюда более общий результат: пресса не отражает дипломатическую реальность, а задаёт рамки, в которых её воспринимают политики и общество. Формулы британского взгляда на Россию — «реформирующаяся, но незавершённая», «модернизирующаяся внешне, авторитарная по существу» — пережили свою эпоху и работают в анализе позднейших периодов. На этом же строятся прикладные применения работы: курсы по истории зарубежной журналистики и российско-британских отношений, методика медиаанализа, экспертиза образа России в современной западной печати.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, входящих в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ по специальности 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика (по филологическим наукам):

1. Бугров, А. Ю. Цензура и освещение судебной реформы в английской и русской прессе эпохи Великих реформ Александра II // Litera. – 2026. – № 5. – С. 66–77. DOI: 10.25136/2409-8698.2026.5.79679. EDN: FTOSPM.

2. Бугров, А. Ю. Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Litera. – 2025. – № 12. – С. 116–131. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.12.77340. EDN: YGHJZI.

3. Бугров, А. Ю. Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Филология: научные исследования. – 2025. – № 12. – С. 303–320. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77314. EDN: VAXACE.

Другие публикации по теме исследования:

4. Бугров, А. Ю. Земская реформа 1864 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Коммуникология. – 2025. – Т. 13, № 4. – С. 43–56. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-4-43-56.